

В. МОЛОТОВ,

член Военно-революционного комитета

СМОЛЬНЫЙ И ЗИМНИЙ

(Отрывок из воспоминаний)

Поздно вечером, когда революционные войска, вставшие на сторону большевиков, перешли к прямой осаде Зимнего дворца, в Смольный явилась делегация Городской думы во главе с ее председателем, эсером Шрейдером. Делегация обратилась к Военно-революционному комитету, руководившему восстанием, с просьбой предоставить ей возможность направиться в Зимний дворец, чтобы предложить засевающим там министрам Временного правительства прекратить сопротивление.

Это был момент, когда Октябрьское восстание находилось в высшей точке своего развития.

В Смольном только что открылось историческое заседание II съезда Советов, на котором большевики вместе с левыми эсерами имели, правда небольшое, большинство. Весь революционный Петроград, заводы и почти все казармы уже были связаны с Военно-революционным комитетом, в Петрограде уже установилась фактическая власть Военно-революционного комитета, руководившего восстанием из Смольного. Революционные рабочие и солдаты под руководством нашей партии и Военно-революционного комитета овладели правительственными учреждениями, почтой, телеграфом, электрической станцией. Оставался Зимний дворец, где была база Керенского.

Остатки Временного правительства пытались закрепиться в Зимнем дворце и, опираясь на белогвардейские организации, контрреволюционные «батальоны смерти» и юнкеров, остановить или, по крайней мере, оттянуть сдачу Временного правительства. Как теперь выяснилось, к концу дня 24 октября Керенский уже бежал из Зимнего для того, чтобы вместе с белыми генералами начать немедленное наступление на Петроград. В Зимнем, однако, еще оставалось несколько министров — это всё, что осталось от власти правительства Керенского в Петрограде.

Взятие Зимнего революционными войсками означало окончательную ликвидацию Временного правительства, уничтожение его остатков.

В этот момент друзья Временного правительства безнадежно ухватились за эсеровско-кадетскую Городскую думу. Там собрались почтенные думцы, среди которых преобладали эсеры, меньшевики и кадеты — все ярые враги Октябрьского переворота и все в этот момент глупобезнадежные, отброшенные событиями от большой исторической дороги. Находясь в центре Невского, в районе главных боевых действий, они не могли не видеть приближающегося конца Керенского; они, вместе с тем, не могли не почувствовать, что у них нет никакой связи и опоры в массах. До смерти перепуганные, запутавшиеся в событиях, взбешенные успехами большевиков и вместе с тем жалкие в своей некудышности, они смогли думать только о каких-нибудь искусственных попытках выхода из тупика. Никому не нужные, не знающие что делать с собою, они, однако, и в этот момент не хотели отказаться от политической театральности. Они не смогли придумать себе никакой роли, кроме как роли посредников между Смольным и Зимним. В момент, когда между Смольным и Зимним уже были сожжены не только мосты, но когда были уже порваны последние провода, соединявшие Зимний с какой бы то ни было частью Петрограда. Желая якобы прекратить пролитие крови в «братоубийственной борьбе», думцы делали последнюю попытку сыграть какую-нибудь роль в спасении Зимнего от позорного разгрома и прямой сдачи. Они хотели не только спасти жизнь своим друзьям в Зимнем дворце, но хотели предупредить позор полного разгрома и сдачи

последней позиции временного, а лучше сказать, кратковременного правительства.

Именно в этот момент в Смольном появились жалкие фигуры нескольких думцев с предложением посредничества между Смольным и Зимним.

Беспомощность вчерашних представителей власти и бесцельность их попытки для Смольного сразу были ясны. Однако, имея на своей стороне полный боевой и не менее полновесный моральный перевес, Смольный не считал нужным препятствовать попытке осуществить это предложение. Наоборот, попытка осуществления этого предложения должна была лишь подчеркнуть боевой и моральный авторитет Смольного даже в глазах прямых его врагов.

ЦК нашей партии, скромно расположившийся в одной из комнат нижнего этажа Смольного, быстро обсудил предложение думцев. Центральным Комитетом решено было предоставить Шрейдеру и его группе сделать попытку направиться в Зимний с предложением сложить оружие и подчиниться пролетарской власти. Этот ответ через Военно-революционный комитет был тотчас передан Шрейдеру и его спутникам. Военно-революционный комитет, членом которого я состоял, поручил мне сопровождать думцев.

Помню, как мы уселись во дворе Смольного в автомобиль Шрейдера. Всего отправилось пять-шесть человек. Это было уже в одиннадцать-двенадцать часов ночи. Освещая фонарями автомобиля мокрую, темную дорогу, мы пробирались по Суворовскому проспекту на Невский. Там и тут раздавались выстрелы, временами — треск пулемета. Выбрались на Невский. Чуть не на каждом шагу патрули Военно-революционного комитета останавливают автомобиль. Мы показываем свои удостоверения и едем дальше.

Около Городской думы Шрейдер просит сделать остановку. Останавливаемся. Шрейдер уходит в думу, чтобы сообщить о том, что с согласия Военно-революционного комитета он, вместе с другими делегатами думы, направляется в Зимний на переговоры.

После этого едем дальше. Чем дальше по Невскому, тем больше волнуется седой Шрейдер и трое-четверо его почтенных спутников. Треск ружейной и пулеметной стрельбы повторяется чаще и резче. Стреляют как будто

со всех сторон. На улице там и тут мелькают небольшие кучки народа. Долетают отдельные возгласы, какие-то крики. Встречаются то и дело новые патрули. Настроение моих спутников делается всё больше настороженным и прямо тревожным.

Приближаемся к Мойке, которая в этот момент была чем-то вроде границы, отделяющей нас от сопротивляющегося с оружием в руках противника. Здесь, у моста Мойки, нас останавливает большой патруль. На углу улицы горит костер — греются солдаты. Остановивший автомобиль патруль предлагает нам выйти на панель — ехать дальше уже невозможно. Ружейная стрельба здесь как будто не прекращается. Царский дворец, а затем квартира и база Керенского, столь ненавидимые революционными матросами, уже доживали свои последние минуты.

Однако попытка уйти от позорного конца была слишком сильна у друзей последышей буржуазного правительства, остававшихся в Зимнем.

Выйдя из автомобиля, мы спрашиваем начальника патруля. Появляется знакомый мне по революционным дням в Петрограде тов. Дашкевич, бодрый, уверенный в близкой победе. Узнав чего хочет делегация, он предлагает ей идти дальше пешком. Остался только квартал до площади перед Зимним дворцом. Он предупреждает делегацию, что их попытка вряд ли удастся. На площади перед Зимним дворцом вокруг памятника-колонны сгруппировался женский «батальон смерти» и какие-то остатки воинской части, ведущей обстрел всякой фигуры, появляющейся на площади. Делегация колеблется идти ли ей дальше, однако решается идти.

Пока удаляется группа Шрейдера, тов. Дашкевич объясняет мне, что штаб и военное министерство уже заняты нами, что тов. Подвойский уже там; Зимний дворец уже окружен и ожидается с минуты на минуту его сдача. Жмем друг другу руки, смеемся над делегатами. Проходит несколько минут, и Шрейдер со своей делегацией возвращается обратно. Смущенный и еще более жалкий, он снова лепечет о благой цели своего посредничества и о том, что теперь они видят свое бессилие что-нибудь сделать.

«Да, — говорит он, — мы признаем, что попытка наша безуспешна. Нам не удалось пройти к Зимнему

дворцу. Всякая попытка выйти на площадь встречается обстрелом с площади от памятника-колонны, несмотря на то, что мы давали всяческие знаки белыми платками о желании переговоров и посредничества во имя мира».

Шрейдер, однако, лицемерно бормочет о своих благих намерениях:

«Делегация сделала всё, что могла. Делегация снимает с себя ответственность. Делегация вынуждена возвратиться обратно, сообщить думе о своем бессилии в деле посредничества...»

Садимся снова в автомобиль и приезжаем к Городской думе.

Мне пришлось в этот момент ненадолго заглянуть в думу для того, чтобы передать в Военно-революционный комитет сообщение о результатах, вернее о безрезультатности поездки. Я вошел в помещение думы вместе с неудачливыми делегатами, на которых набросилась с жадным любопытством толпа думцев, без конца, но и без всякого толку в этот вечер и ночь заседавших и обсуждавших положение в Петрограде.

Кое-кто из них встречался мне раньше. И теперь, в общем гуле, я еще разбирал знакомые голоса с какими-то не то восклицаниями, не то проклятиями. Глазами, полными ненависти, они провожали меня, проходившего мимо них к телефону. Мне нужны были только одна-две минуты, чтобы сообщить дежурному Военно-революционного комитета о моей поездке с неудачливыми «посредниками». Затем я снова отправился в Смольный, где в Октябрьские дни многие из нас дневали и ночевали и где всё более разворачивалась кипучая боевая работа.

Когда я вернулся в Смольный, Октябрьское восстание уже прошло через высшую точку своего подъема. Судьба Зимнего дворца уже была решена. «Аврора» крепко ухнула из пушки, и Зимний сдался. Смольный торжествовал победу.

